

ИНТУИТИВНАЯ ЭТИКА: КАК ВРОЖДЕННЫЕ ИНТУИЦИИ ПОРОЖДАЮТ КУЛЬТУРНО ИЗМЕНЧИВЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Джонатан Хайдт, Крейг Джозеф

Перевод с английского А. А. Португальской¹

Аннотация: Цель статьи – внести вклад в исследование роли интуиции и аффекта (в отличие от размышления) в моральном суждении, а также в разработку теории моральных оснований, проливающей свет на то, как небольшой набор психологических систем служит врожденным “фундаментом” моральной психологии. При этом моральные добродетели представляются в данной теории социально построенными на этом “фундаменте”.

Ключевые слова: моральная интуиция, эмоции, теория моральных основ, идеология

Странности завораживают. Средневековые карты, украшенные фантастическими зверями, чудесные камеры шестнадцатого века, наполненные природными и технологическими чудесами, даже таблоиды супермаркетов конца двадцатого века – все это свидетельствует о человеческом увлечении вещами, которые нарушают наши основные представления о реальности. Поэтому изучение морали и культуры является увлекательной по своей природе темой.

Люди создали разнообразную мораль, которая может различаться столь значительно, как у нацистов и квакеров, охотников за головами и джайнов. И все же, когда мы внимательно рассматриваем повседневную жизнь людей в различных культурах, мы можем найти элементы, которые возникают почти во всех из них: к примеру, взаимность, лояльность, уважение к (некоему) авторитету, ограничения на физический вред и регулирование питания и сексуальности. Что нам следует делать с этой чертой сходства внутри глубокого различия? Социологи традиционно придерживаются двух подходов.

Эмпирический подход утверждает, что моральное знание, моральные убеждения, моральные действия и все другие составляющие морали усваиваются в детстве. В человеческом разуме нет моральной способности или чего-то наподобие ей, хотя могут быть некоторые врожденные механизмы обучения, которые позволяют приобретать более поздние знания. В той мере, в какой существуют сходства между культурами, они возникают потому, что все культуры сталкиваются с аналогичными проблемами (например, как разделить власть и ресурсы, как заботиться о детях и разрешать споры), для которых они часто вырабатывают аналогичные решения.

В свою очередь нативистский подход утверждает, что знание о таких вопросах, как справедливость, вред и уважение к власти, было встроено в человеческий разум эволю-

¹ Перевод выполнен по изданию: Jonathan Haidt, Craig Joseph, “Intuitive Ethics: How Innately Prepared Intuitions Generate Culturally Variable Virtues”, *Daedalus* Vol. 133, No. 4, *On Human Nature* (Fall, 2004), pp. 55–66.

цией. Все дети, воспитываемые в разумной среде, будут развивать эти идеи, даже если их не учат взрослые. В той мере, в какой существуют различия между культурами, они возникают из-за местных различий в реализации универсальных моральных знаний (например, должны ли отношения между братьями и сестрами руководствоваться рангом и уважением к старшим или равенством и взаимностью?).

Мы хотели бы здесь проработать один аспект идеи о том, что мораль является одновременно врожденной и приобретённой. Мы не станем развивать неубедительный и компромиссный подход. Мы, скорее, представим модифицированный нативистский взгляд, который, по нашему мнению, полностью учитывает глубину и важность культурных различий в морали. Мы сделаем это, сосредоточив внимание на до сих пор игнорируемой связи – связи между интуициями, особенно подмножеством тех интуиций, которые, как мы утверждаем, являются врожденными в важных отношениях, и *добродетелями*, которые по большому счету являются социальными конструкциями.

Мы предполагаем, что люди обладают *интуитивной этикой* – врожденной готовностью испытывать вспышки одобрения или неодобрения по отношению к определенным моделям событий, связанных с другими людьми. Четыре модели, для которых, на наш взгляд, имеются наилучшие доказательства, связаны со страданием, иерархией, взаимностью и чистотой. Эти интуиции лежат в основе моральных систем, развиваемых культурами, которые включают в себя присущее каждой из них понимание добродетелей и характера. Признавая, что культуры строят несоизмеримые моральные системы на основе общих интуиций, мы можем разработать новые подходы к нравственному воспитанию и к моральным конфликтам, которые разделяют наше разнообразное общество.

Антропологи часто начинают с социологических фактов, а затем пытаются спуститься на один уровень анализа к психологии. Законы, обычаи, ритуалы и нормы, очевидно, различаются, и из этих различий разумно заключить, что многие психологические факты, такие как убеждения, ценности, чувства и привычки, различаются тоже. Эволюционные психологи, напротив, работают по преимуществу в пространстве между психологическим и биологическим уровнями анализа. Человеческий мозг является продуктом естественного отбора, приспособленным для решения проблем, с которыми сталкивались наши предки-гоминиды на протяжении миллионов лет. Так как мозг младенцев практически не различается в разных культурах и расах, разумно предположить, что многие психологические факты (например, эмоции, мотивация и способы обработки социальной информации) служат частью исходного “оборудования”, которое эволюция встроила в нас для решения этих повторяющихся проблем.

Итак, как мы можем заставить тех, кто нисходит с уровня социологических фактов, соединиться с теми, кто восходит с уровня биологических фактов? Где имени нам следует соединить оба подхода? Место встречи должно быть где-то на территории психологии, и мы предполагаем, что точное место – это интуиция. Интуиция – это суждения, решения и идеи, которые возникают в сознании без нашего ведома о психических процессах, которые привели к ним. Когда вы внезапно узнаете ответ на вопрос, над которым долго размышляли, или когда вы знаете, что вам кто-то нравится, но не можете

сказать почему, ваше знание интуитивно. Моральная интуиция – это подкласс интуиции, в котором чувства одобрения или неодобрения возникают в сознании, когда мы видим или слышим о чем-то, совершенном кем-то, или когда мы рассматриваем варианты того, как поступить самим [1].

Интуиция возникает потому, что разум состоит из двух различных систем обработки информации. Большую часть познания можно назвать интуитивной, или автоматической, системой. Человеческий разум, как и ум животных, выполняет большую часть своей работы путем автоматического сопоставления с образцом и распределенной обработки. В частности, наша зрительная система делает тысячи интерпретаций каждую секунду без каких-либо сознательных усилий или даже осознания. Она делает это, частично полагаясь на встроенные кратчайшие пути обработки или эвристику (например, предположение, что линии продолжают за препятствиями, которые скрывают их части), которые интегрированы с приобретенным знанием о вещах в видимом мире. Подобным образом многие психологи теперь считают, что большая часть социального познания происходит быстро, автоматически и без усилий – одним словом, интуитивно, – когда наш разум оценивает людей, с которыми мы сталкиваемся, по таким признакам, как привлекательность, угроза, пол и статус. Разум достигает этого, частично полагаясь на эвристику, которая затем интегрируется с изученными фактами о социальном мире.

Но человеческий разум отличается от сознаний других животных наличием хорошо развитой второй системы, в которой обработка происходит медленно, преднамеренно и полностью в пределах рационального осознания. Когда вы мыслите словами или рассуждаете о проблеме или возвращаетесь от цели к своему нынешнему положению, вы используете систему рассуждений, или управляемую систему. Большинство психологических исследований морали рассматривали дискурсивное моральное мышление, отчасти потому что оно столь доступно. Все, что вам нужно сделать, – это спросить кого-нибудь, как это сделал Лоуренс Кольберг: “Как вы думаете, должен ли Хайнц вломиться в аптеку, чтобы украсть лекарство, чтобы спасти жизнь своей жене?” [2]. Кольберг разработал всесторонний анализ нравственного развития, рассмотрев, как менялись ответы людей на такого рода дилеммы в детстве и юности.

Тем не менее недавние исследования в области социальной психологии показывают, что ответы на такие дилеммы в основном исходят из интуитивной системы: у людей есть быстрые интуитивные ощущения, которые приходят в сознание, как только им представляется ситуация. Большинство решает в течение секунды или двух, должен ли Хайнц украсть наркотик. Затем, когда их просят объяснить свои суждения, люди ищут подтверждающие аргументы и обоснования, используя систему аргументации [1; 3]. Как и в случае с визуальной системой, мы не можем знать, как мы пришли к тому, чтобы увидеть что-то; мы можем только знать, что мы это видим. Если вы сосредотачиваетесь на причинах, которые люди приводят в обоснование своих суждений, вы изучаете рациональный хвост, которым завилыла эмоциональная собака.

Мы предполагаем, что интуиция – это плодотворная, но недостаточно изученная эвристическая конструкция для исследования морали. Именно здесь мы можем выде-

лить небольшое количество основных единиц, которые могут лежать в основе большого разнообразия культурных продуктов. Аналогичные единицы составляют наши системы восприятия. Три вида рецепторов в коже (для давления, температуры и боли) работают вместе, чтобы дать нам различные ощущения от прикосновения. Пять видов рецепторов на языке (для соли, сладкого, горького, кислого и, как ни странно, глутамата) работают вместе с нашим обонянием, чтобы дать нам большое разнообразие вкусовых ощущений. Может быть, существует несколько различных видов социальных рецепторов, которые формируют основу нашего высокоразвитого и разнообразного в культурном отношении морального чувства?

Что эволюция может вложить в разум и как она это делает? Существует мнение, что эволюционный процесс создал врожденные знания различного рода [4; 5]. Так, младенцы, по-видимому, обладают врожденным знанием лиц и сладких вкусов, потому что их мозг оснащен клетками и цепями, которые их распознают. Но наши более сложные способности часто точнее описываются в качестве “готовности” чему-то научиться. К примеру, люди рождаются с небольшим количеством врожденных страхов, но мы становимся подготовленными к тому, чтобы легко приобрести определенные страхи (например, перед змеями, пауками, мышами, открытыми пространствами), и культуры различаются по степени, в которой они усиливают такие страхи или противостоят им. С другой стороны, очень трудно вызвать страх перед цветами или даже перед такими опасными вещами, как ножи и огонь, потому что эволюция не “подготовила” наш разум к усвоению таких ассоциаций.

Итак, какие моральные интуиции может развить разум? Каковы закономерности в социальном мире, на которые люди могут легко отреагировать одобрением или неодобрением? Существует несколько способов ответить на эти вопросы. В данном очерке мы используем то, что можно было бы назвать метаэмпирическим подходом, исследуя работы различных социологов, чтобы найти общее ядро моральных ценностей, забот и вопросов.

Мы сосредоточились на пяти работах – две из которых направлены на описание того, что является универсальным [6; 7], две описывают то, что является культурно изменчивым [8], и одна описывает строительные блоки морали, которые видны у других приматов [9]. Мы начали с простого перечисления основных видов социальных ситуаций, на которые, по словам этих пяти авторов, люди (или шимпанзе) реагируют с четкой положительной или отрицательной оценкой. Затем мы подсчитали количество “голосов”, полученных каждой ситуацией, то есть количество авторов (из этих пяти), которые сослались на нее прямо.

Победителями во всех пяти работах стали «страдание/сострадание», «взаимность/справедливость» и «иерархия/уважение». Похоже, что во всех человеческих культурах люди часто реагируют вспышками чувств, связанными с моральной интуицией, когда они воспринимают определенные события в своем социальном мире: когда они видят, как другие (особенно дети) страдают, а другие причиняют эти страдания; когда они видят, что другие обманывают или не платят за услуги; и когда они видят других, которые

проявляют неуважение или ведут себя не так, как подобает их статусу в группе. У шимпанзе эти реакции возникают в основном у особи, которой причинен непосредственный вред. Отличительной чертой человеческой морали является забота о третьей стороне: человек А может разозлиться на человека В за то, что она сделала с человеком С. На самом деле, люди так любят проявлять свою моральную интуицию, обращённую к третьей стороне, что платят деньги, чтобы видеть и выслушивать истории о вымышленных незнакомцах, которые делают друг другу плохие вещи.

Лучший способ понять наши аргументы – начать с понятия давних адаптивных вызовов, а затем просмотреть каждую из колонок в *таблице 1*. Например, длительная зависимость, характерная для приматов, особенно людей, сделала необходимым или, по крайней мере, полезным для матерей обнаружение признаков страдания и дистресса у их потомства. Матери, которые хорошо улавливали такие сигналы, продолжали воспитывать больше выживших отпрысков, и со временем была разработана система связи, в которой стилизованные сигналы детских бед вызывали материнскую помощь. Психологическая подготовка к иерархии эволюционировала, чтобы помочь животным, живущим в социальных группах, максимально использовать свои относительные способности доминировать над другими. Учитывая неравное распределение силы, мастерства и удачи, те люди, у которых были правильные эмоциональные реакции, чтобы успешно подыгрывать и продвигаться по служебной лестнице, преуспели лучше, чем те, кто отказался играть подчиненную роль или не сумел благожелательно распорядиться выгодами власти [10]. Аналогичным образом, готовность к взаимности развилась, чтобы помочь животным, особенно приматам, пожинать плоды сотрудничества с неродственными. Люди, которые чувствовали себя плохо, когда их обманывали, и которые были мотивированы отомстить, смогли успешно участвовать в большем количестве игр с ненулевой суммой с другими людьми [11].

Полезный набор терминов для анализа того, каким образом такие способности внедряются в сознание, получен из недавних исследований модульности психического функционирования. Эволюционировавший когнитивный модуль – это система обработки, которая была разработана для решения проблем или возможностей, возникающих на протяжении многих поколений в наследственной среде вида. Модули – это небольшие фрагменты программирования ввода-вывода, способы обеспечения быстрого и автоматического реагирования на конкретные триггеры окружающей среды. В этом отношении модули ведут себя очень похоже на то, что когнитивные психологи называют эвристикой, ярлыками или эмпирическими правилами, которые мы часто применяем, чтобы быстро получить приблизительное решение (и обычно интуитивно).

Одним из полезных различий в литературе по модульности является различие между *надлежащими* и *действительными* областями модуля. Надлежащая (или подходящая) область – это набор конкретных сценариев или стимулов, для обработки которых был разработан модуль. В случае модуля страдания/сострадания подходящей областью является вид собственного ребенка, демонстрирующего стереотипные признаки беспокойства или страха. Надлежащая область, возможно, распространилась и на беспокой-

ство, проявленное всеми родственниками. Действительная (или актуальная) область, напротив, представляет собой набор всех вещей в мире, которые теперь запускают модуль. Это включает в себя страдания чужих детей, голодающих взрослых, которых показывают по телевизору, изображения детенышей тюленей, которых забивают дубинками до смерти, и наших домашних собак, которые чахнут, хандрят, скулят и разбивают нам сердца, когда мы каждое утро готовимся идти на работу.

Концепция модулей полезна для размышлений о моральных интуициях. Одна из возможностей заключается в том, что моральные интуиции являются результатом небольшого набора модулей. Когда модуль принимает поведение или характер другого человека в качестве входных данных, а затем излучает чувство одобрения или неодобрения, полученный результат является моральной интуицией. В сильных случаях каждый из этих моральных модулей вызывает полноценную эмоцию: страдание вызывает сострадание; высокомерное поведение подчиненных вызывает презрение; обман вызывает гнев. Но в большинстве случаев наши моральные модули запускаются незначительными событиями, сплетнями, тем, что мы читаем в газетах, и мы по-настоящему не злимся и не испытываем сострадания; мы просто чувствуем небольшие вспышки одобрения или неодобрения.

Для трех наборов моральных интуиций, которые мы рассмотрели до сих пор, постоянный адаптивный вызов является вызовом. Но есть странный уголок нравственной жизни, странный, по крайней мере, для современных жителей Запада, которые склонны думать, что мораль строго связана с тем, как мы относимся к другим людям. Этот угол – глубокая морализация тела и телесных действий, таких как менструация, еда, купание, секс и обращение с трупами. Значительная часть морального закона иудаизма, индуизма, ислама и многих традиционных обществ прямо связана с регулированием чистоты и загрязнения.

Основываясь на наших исследованиях и исследованиях других ученых, мы предполагаем, что широко распространенные в культуре опасения по поводу чистоты и загрязнения можно отнести к модулю чистоты, разработанному для решения адаптивных проблем жизни в мире, полном опасных микробов и паразитов. Надлежащая область модуля чистоты – это набор вещей, которые были связаны с этими опасностями в нашей эволюционной истории. К ним относились, среди прочего, гниющие трупы, экскременты и животные-падальщики. Такие вещи и люди, которые вступают с ними в контакт, вызывают быстрое, автоматическое чувство отвращения. Со временем этот модуль чистоты и его эмоциональный результат были разработаны многими культурами в виде наборов правил, иногда довольно сложных, регулирующих множество функций и практик организма, включая диету и гигиену. Как только для такой практики были установлены нормы, нарушения этих норм начали вызывать негативные аффективные вспышки, то есть моральные интуиции².

Чистота и загрязнение окружающей среды были важными идеями в Европе с Античности до викторианской эпохи, но они начали исчезать по мере того, как двадцатый век заменил все их более медицинским и утилитарным пониманием гигиены и расту-

2 Для получения полной истории о том, как действительная область отвращения распространилась на социальный мир, см. [12].

щим акцентом на личную свободу и неприкосновенность частной жизни в отношении телесных вопросов. Однако даже современные студенты американских колледжей, когда мы проводим с ними интервью в рамках наших исследований морального суждения, признаются, что испытывают вспышки отвращения и неодобрения, когда их спрашивают о нарушениях табу чистоты. Истории о том, как кто-то съел свою мертвую домашнюю собаку, о безобидных случаях каннибализма или даже о гомосексуальности, могут вызвать чувство отвращения, которое студенты пытаются, часто комично, оправдать позже. Интуиция вырабатывается модулем, но культура больше не поддерживает мораль, основанную на чистоте (по крайней мере, для студентов либеральных колледжей), поэтому студентам остается бороться с системой рассуждений, чтобы объяснить суждение, произведенное интуитивной системой.

Выше мы обосновали два момента: то, что большая часть зрелого морального функционирования скорее интуитивна, чем обдуманна; и то, что среди наших моральных интуиций есть небольшое число врожденных или, по крайней мере, изначально подготовленных. В придачу к осмыслению постоянных адаптивных задач в эволюционном прошлом человека, эти подготовленные интуиции влияют на моральное развитие и функционирование, напрягая наше моральное внимание и закладывая основу для развития других моральных концептов. Теперь мы свяжем эти наблюдения с другой сферой философских и психологических размышлений о морали, а именно со сферой теории добродетели.

Сторонники теории добродетели любят спорить друг с другом, но большинство из них согласны с тем, как минимум, что добродетели – это характеристики человека, достойные моральной похвалы. Таким образом, добродетели – это черты характера, как их понимал Джон Дьюи, – динамические паттерны восприятия, эмоций, суждений и действий [13]. Добродетели – это социальные навыки. Обладать добродетелью – значит дисциплинировать свои способности таким образом, чтобы они полностью и должным образом реагировали на местный социально-моральный контекст. Например, быть добрым – значит обладать восприимчивостью к определенным особенностям ситуаций, в том числе к тем, которые связаны с благополучием других, и быть чувствительным настолько, чтобы эти особенности оказывали соответствующее влияние на мотивацию и другие реакции. Быть смелым – значит обладать другой чувствительностью и четкостью реакции; быть терпеливым – еще одной и т. д.

В таком понимании, добродетели тесно связаны с интуитивной системой. Добродетельный человек – это тот, у кого есть правильные автоматические реакции на этически значимые события и положения дел, например, на страдания другого человека, несправедливое распределение благ, опасное, но необходимое поручение. Часть привлекательности теории добродетели всегда заключалась в том, что она рассматривает мораль как воплощенную в самой структуре личности, а не просто как одну из видов деятельности личности. Даже Аристотель предполагал, что, развивая добродетели, мы приобретаем вторую природу, уточнение нашей основной природы, изменение наших автоматических реакций.

Одним из важнейших принципов теории добродетели служит то, что добродетели

приобретаются индуктивно, то есть путем усвоения через множество примеров добродетели на практике, главным образом в детстве, но и в течение всей жизни. Часто эти примеры берутся из повседневного опыта ребенка в интерпретации, реагировании и получении обратной связи, но они заимствуются также из историй, бытующих в культуре. Каждый из этих примеров содержит информацию о ряде аспектов ситуации, включая мотивы главных героев, состояние главных героев (страдающие, инвалиды, враждебные, богатые и т.д.), категоризацию ситуации и оценку результата, предложенную более опытными людьми. Только со временем человек, изучающий мораль, поймет, какую информацию важно сохранить, а какой можно смело пренебречь.

Как попытались доказать философы и когнитивисты, и в отношении морали, и в отношении познания в целом, этот вид обучения не может быть заменен обучением сверху вниз, таким как принятие правила или принципа и вывод из него конкретных ответов. Интересно, что этот аспект теории добродетели показывает, что Аристотель был предшественником современного применения нейросетевой теории морали, которая разрабатывается Полом Черчлендом, Энди Кларком и другими [14]. В этой модели разум, как и сам мозг, представляет собой сеть, постепенно настраиваемую с помощью опыта. В результате обучения разум все лучше справляется с распознаванием важных входных паттернов и реагирует соответствующими паттернами на выходе.

Таким образом, для тех, кто подчеркивает важность добродетелей в моральном функционировании, моральная зрелость – это вопрос достижения всеобъемлющей настройки на мир и приобретения набора очень сложных чувств, воплощенных в индивидуальных добродетелях. Конечно, рассуждения и осмотрительность также играют важную роль в этой концепции, ведь для того чтобы быть добродетельным человеком, необходимо быть способным корректно рассуждать о трудных ситуациях. Но, тем не менее, теория добродетели является отходом от теорий морали, которые рассматривают обдумывание как основную морально-психологическую деятельность.

Мы считаем, что теории добродетели – это наиболее психологически обоснованный подход к морали. Такие теории подходят более точно к тому, что мы знаем о моральном развитии, суждениях и поведении, чем теории, которые фокусируются на моральных рассуждениях или на принятии сложных моральных принципов, таких как справедливость. Но фундаментальная проблема многих теорий добродетели заключается в том, что они предполагают, что добродетели извлекаются исключительно из воздействия окружающей среды. Они неявно поддерживают старую бихевиористскую идею о том, что если бы мы могли просто правильно настроить нашу среду, то мы смогли бы привить любую вообразимую добродетель, даже такие добродетели, как «любить всех людей одинаково» и «быть почтительным к тем, кто меньше, моложе или слабее вас». Однако одним из смертельных ударов по бихевиоризму стала демонстрация того, что у животных есть ограничения в обучении: некоторые пары стимулов и реакций настолько хорошо подготовлены, что животное может выучить их за одно тренировочное испытание, в то время как другие ассоциации противоречат природе животного и не могут быть изучены в тысячах испытаний. Таким образом, теории добродетели были

бы улучшены, если бы они учитывали виды добродетелей, которые “соответствуют” человеческому разуму, и виды, которые этого не делают. Добродетели действительно являются культурными достижениями, что не мешает им быть основанными на глубоко укорененной подготовленности определенным образом интерпретировать социальный мир и реагировать на него.

Сам Аристотель признавал сдерживающее влияние воплощенной и локализованной природы человеческих существ на этический опыт. Как отмечает Марта Нуссбаум, Аристотель определял добродетели, ссылаясь на универсальные особенности людей и их окружения, которые в совокупности определяют сферы человеческого опыта, где мы даем нормативные оценки нашему собственному поведению и поведению других людей, что мало чем отличается от того, что выше мы назвали постоянными адаптивными вызовами [15]. Подход Аристотеля и Нуссбаум также является нативистским, хотя и таким, который обнаруживает врожденное моральное содержание как в организме, так и в окружающей среде. Наши четыре модуля интуитивной этики в некотором смысле являются продолжением этого аристотелевского проекта. Подобно Аристотелю, мы ищем более глубокую структуру нашего морального функционирования, хотя и в форме меньшего числа явлений, которые находятся скорее в организме, чем в окружающей среде.

Давайте теперь свяжем наше понимание моральных интуиций с таким пониманием добродетелей. Вкратце, мы предполагаем, что человеческий разум оснащен, по крайней мере, четырьмя модулями, которые мы описали выше. Эти модули обеспечивают немногим больше, чем вспышки аффекта, когда в социальном мире встречаются определенные паттерны. Требуется немало культурной выучки, чтобы реагировать на реальную область, созданную конкретной культурой, но может потребоваться мало обучения или же выучки вообще может быть не нужно для того, чтобы научиться распознавать случаи, лежащие в основе соответствующей области для каждого модуля (например, видеть лицевые и телесные сигналы страдания у ребенка или видеть, что большой мужчина проявляет признаки доминирования и угрозы, глядя на вас сверху вниз).

Эти вспышки являются строительными блоками, которые облегчают детям усвоение определенных добродетелей и соответствующих им понятий. Например, когда мы пытаемся научить наших детей добродетелям доброты и сострадания, мы обычно используем истории о злых людях, которым не хватает этих качеств. Слушая такие истории, дети испытывают сочувствие к жертве и осуждение к преступнику. Взрослые не могут создавать такие вспышки из воздуха; они могут только помещать детей в ситуации, в которых эти вспышки могут случиться. Следует подчеркнуть, что вспышка интуиции не является добродетелью. Но это важный инструмент в построении добродетели.

Конечно, можно научить детей быть жестокими по отношению к определенным классам людей, но как взрослые справятся с таким обучением? Скорее всего, используя другие моральные модули. Расизму, например, можно научить, обратившись к модулю чистоты и вызвав вспышки отвращения к “грязности” определенных групп или обратившись к модулю взаимности и вызвав вспышки гнева на мошеннические методы определенной группы (Гитлер использовал обе стратегии против евреев). Таким обра-

зом, культуры могут создавать переменные действительные сферы, которые намного шире, чем универсальные области, подходящие каждому модулю.

Второй способ, по которому различаются культуры, заключается в их относительном использовании четырех модулей. В ходе нашего собственного исследования мы обнаружили, что американские мусульмане и американские политические консерваторы ценят такие добродетели, как доброта, уважение к власти, справедливость и духовная чистота. В свою очередь американские либералы в большей степени полагаются на добродетели, коренящиеся в модуле страдания (либералы обладают гораздо большей способностью обнаруживать виктимизацию) и модуле взаимности (добродетели равенства, прав и справедливости). Консервативные добродетели иерархии и порядка кажутся либералам слишком тесно связанными с угнетением, а консервативные добродетели чистоты – слишком часто применявшимися для исключения или морального осуждения целых групп (например, чернокожих, гомосексуалистов, сексуально активных женщин) [16].

Третий способ, по которому культуры расходятся, состоит в том, что они придают очень разное значение и интуитивное основание определенным добродетелям. Возьмем, к примеру, добродетель верности. Конечно, существует разница между лояльностью к коллегам и друзьям, с одной стороны (то есть лояльностью, основанной на интуиции взаимности), и лояльностью к начальникам, генералам и другим руководителям (то есть лояльностью в контексте иерархии), хотя у обоих есть много общего. Точно так же добродетель чести может реализовываться как честность (во взаимности), как рыцарство или мужская честь в более широком смысле (в иерархии), или как целомудрие или женская честь (в чистоте). И воздержание – это одно в контексте взаимности, где оно может быть необходимо для процветания группы в условиях дефицита, и совсем другое в контексте чистоты, где оно часто интерпретируется как средство просвещения или духовного развития. В каждом из этих случаев разные моральные основания обеспечивают добродетель разными проявляющимися ее условиями и разными моделями уместного поведения и реакций.

Четвертым источником культурных различий являются сложные взаимодействия, которые могут порождаться добродетелями и создавать то, что можно назвать комплексами добродетелей. Эти комплексы отражают большой объем понятий общества о человеческой природе и моральных качествах. Один превосходный пример нам дает «Литературная история арабов» Рейнольда А. Николсона, мастерский обзор доисламской и исламской арабской культуры. Одним из моральных понятий, раскрытых Николсоном, является хамаса, которую часто называют просто «доблестью». Однако Николсон определяет его так: «“Хамаса” обозначает добродетели, наиболее высоко ценимые арабами – храбрость в бою, терпение в несчастье, настойчивость в мести, защита слабых и неповиновение сильным» [17, р. 79]. Между этими качествами нет необходимой связи; можно представить себе кого-то храброго в бою и защищающего слабых, но нетерпеливого в несчастье и склонного колебаться, когда ему бросит вызов кто-то более сильный. Но дело в том, что арабы не представляют себе подобный набор черт или, по крайней мере, не достаивают его высшей похвалы. Даже если некоторые добродетели, как правило,

сочетаются в разных культурах, комплексы добродетелей, порождаемые каждой культурой, скорее всего, будут уникальными.

Согласно намеченному нами описанию, мораль является врожденной (как небольшой набор модулей) и социально сконструированной (как набор взаимосвязанных добродетелей). Она является когнитивной (интуиция – это система распознавания образов) и эмоциональной (интуиция часто вызывает моральные эмоции). Но прежде всего мораль важна для людей в их повседневной жизни и для обществ, которые, кажется, вечно сетуют на упадок нравственности, присущий современной молодежи. Поэтому мы хотим закончить этот очерк соображениями о том, как использовать интуитивную этику в нравственном воспитании и в обращении с моральным разнообразием.

По нашему мнению, нравственное воспитание – это вопрос соединения врожденной интуиции и уже усвоенных добродетелей с навыком, который хотят развивать. Поэтому родители и педагоги должны осознавать пределы “прямого пути” к нравственному воспитанию. Полезно придерживаться правил и принципов, но только в качестве дополнения к более косвенным подходам, которые включают погружение детей в среду, богатую историями и примерами, эмоционально интерпретируемыми взрослыми. Эти истории и примеры должны приводить в действие врожденные моральные модули, если это возможно, и связывать их с более широкими добродетелями и принципами. Другой косвенный подход предполагает устройство среды таким образом, чтобы сообщения о том, что хорошо, а что плохо, были согласованы между источниками (родители, учителя, телевидение, фильмы, внеклассные мероприятия и т.д.). Так, консервативные родители, которые обучают своих детей на дому, ограничивают то, что они могут смотреть по телевизору, и читают им «Книгу добродетелей» Уильяма Беннетта, скорее всего, добьются успеха в настройке системы морального восприятия своих детей желаемым образом. Либеральные родители, которые стараются “не навязывать свою мораль” своим детям, напротив, вполне могут быть разочарованы результатами. Лишение детей частой моральной обратной связи, включая проявление моральных эмоций родителей, или подвергание их воздействию множества противоречивых сообщений может лишить интуитивную систему опыта, необходимого для правильной настройки. Если добродетели – это социальные навыки, то нравственное воспитание должно быть комплексным и непрерывным режимом обучения с регулярной обратной связью.

Мы считаем, что моральное разнообразие является следствием различий в моральном воспитании и инкультурации. Как мы предположили выше, один из главных источников морального разнообразия проистекает из политического разнообразия. По таким дискуссионным сегодня вопросам, как однополые браки, терапевтическое клонирование и исследования стволовых клеток, либералы сосредоточены на поощрении индивидуального благосостояния и индивидуальных прав. Консерваторы понимают эти аргументы, но у них более многозначная моральная жизнь, опирающаяся на более широкий набор моральных интуиций [16]. Они также должны интегрировать свое глубоко интуитивное неприятие “игры в Бога” и свое более тонко отточенное и ценное чувство отвращения. Леон Касс, советник президента Буша по биоэтике, например, основывает

свою критику клонирования человека отчасти на том факте, что оно оскорбляет и отталкивает многих людей. Он признает, что отвращение само по себе не является аргументом, но он предполагает, что в отвращении есть форма мудрости. «Мелки души, которые разучились содрогаться», – писал он [18].

Так как же мы все можем уживаться в морально разнообразном обществе? Первый шаг – просто признать, что все стороны в дебатах мотивированы морально. Мы склонны думать худшее о наших противниках, считать их совершенными злодеями. Но когда либералы предполагают, что консерваторами движет нечто большее, чем ненависть и фанатизм, они демонстрируют примерно такую же психологическую пронизательность, как заявление президента Буша о том, что террористы 11 сентября сделали то, что они сделали, потому что они “ненавидят нашу свободу”. Только когда признаются моральные мотивы, может начаться разумный дискурс.

Второй шаг – попытаться сформулировать призывы на языке, который может вызвать новую интуицию у другой стороны. Мы надеемся, что более полное понимание связей между добродетелями и интуицией приведет к большей терпимости и уважению между либералами и консерваторами, между людьми разных наций и, возможно, в далеком будущем, между нативистами и эмпириками.

Таблица 1.

Четыре моральных модуля и связанные с ними эмоции и добродетели

	Страдание	Иерархия	Взаимность	Чистота
Надлежащая область (исходные триггеры)	Страдания и уязвимость собственных детей	Физический размер и сила, доминирование и защита	Мошенничество против сотрудничества в совместных начинаниях, совместном использовании продуктов питания	Люди с болезнями или паразитами продукты жизнедеятельности
Действительная область (современные примеры)	Детеныши тюленей, мультяшные персонажи	Боссы, боги	Супружеская верность, сломанные торговые автоматы	Запретны идеи (коммунизм, расизм)
Характерные эмоции	Сострадание	Негодование vs уважение/ благоговение	Гнев/чувство вины vs благодарность	Отвращение
Соответствующие добродетели	Доброта, сострадание	Послушание, почтение, верность	Честность, справедливость, надежность	Чистота, непорочность, целомудрие

Список литературы

1. Jonathan Haidt, "The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment," *Psychological Review* 108 (2001): 814–834.
2. Lawrence Kohlberg, "Stage and Sequence: The Cognitive-Developmental Approach to Socialization," in David A. Goslin, ed., *Handbook of Socialization Theory and Research* (Chicago: Rand McNally, 1969).
3. Richard E. Nisbett and Timothy DeCamp Wilson, "Telling More Than We Can Know: Verbal Reports on Mental Processes," *Psychological Review* 84 (1977): 231–259.
4. Steven Pinker, *The Blank Slate* (New York: Viking, 2002).
5. Jerome Barkow, Leda Cosmides, and John Tooby, eds., *The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture* (New York: Oxford, 1992).
6. Donald E. Brown, *Human Universals* (Philadelphia: Temple University Press, 1991).
7. Alan P. Fiske, *Structures of Social Life* (New York: Free Press, 1991).
8. Shalom H. Schwartz and Wolfgang Bilsky, "Toward a Theory of the Universal Content and Structure of Values: Extensions and Cross-Cultural Replications," *Journal of Personality and Social Psychology* 58 (1990): 878–891.
9. Frans de Waal, *Good Natured: The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996).
10. Frans de Waal, *Chimpanzee Politics* (New York: Harper & Row, 1982).
11. Robert L. Trivers, "The Evolution of Reciprocal Altruism," *Quarterly Review of Biology* 46 (1971): 35–57.
12. Paul Rozin, Jonathan Haidt, and Clark R. McCauley, "Disgust," in Michael Lewis and Jeanette M. Haviland-Jones, eds., *Handbook of Emotions*, 2nd ed. (New York: Guilford Press, 2000), 637–653.
13. John Dewey, *Human Nature and Conduct: An Introduction to Social Psychology* (New York: Holt, 1922).
14. Larry May, Marilyn Friedman, and Andy Clark, eds., *Mind and Morals* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997).
15. Martha C. Nussbaum, "Non-Relative Virtues: An Aristotelian Approach," in Martha C. Nussbaum and Amartya Sen, eds., *The Quality of Life* (New York: Oxford University Press, 1993).
16. George Lakoff, *Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't* (Chicago: University of Chicago Press, 1996).
17. Reynold A. Nicholson, *A Literary History of the Arabs* (Cambridge: Cambridge University Press, 1930).
18. Leon Kass, "The Wisdom of Repugnance," *New Republic*, 2 June 1997, 17–26.

Сведения об авторах

Джонатан Хайдт – адъюнкт-профессором социальной психологии в Университете Вирджинии.

E-mail: jhaidt@stern.nyu.edu

Крейг Джозеф – научный сотрудник в Комитете по человеческому развитию в Чикагском университете.

Сведения о переводчике

Португальская Арина Андреевна — аспирант кафедры общей психологии и психофизиологии факультета психологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)

E-mail: a.portugalskaya@gmail.com

Jonathan Haidt, Craig Joseph**INTUITIVE ETHICS: NOW INNATELY PREPARED INSTITUTIONS GENERATE CULTURALLY VARIABLE VIRTUES**

Abstract: The aim of the article is to make a contribution in investigating the role of intuition and affect (versus reasoning) in moral judgment as well as in developing Moral Foundations Theory, an account of how a small set of psychological systems are the innate “foundation” of moral psychology, yet moral virtues are socially constructed on top of those foundations.

Keywords: Moral intuition, emotion, moral foundations theory, ideology.

Jonathan Haidt is associate professor of social psychology at the University of Virginia.

E-mail: jhaidt@stern.nyu.edu

Craig Joseph is a postdoctoral research associate in the Committee on Human Development at the University of Chicago.

Portugalskaia Arina — Postgraduate student of the Department of General Psychology and Psychophysiology of the Faculty of Psychology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

E-mail: a.portugalskaya@gmail.com